

31 мая исполнилось 130 лет со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). Мастер лирической, философской прозы, пронизанной христианскими мотивами, этот классик русской литературы и ныне один из самых читаемых не только в России, но и далеко за её пределами.

Господь зримо и незримо присутствует в произведениях писателя на протяжении всей его жизни.

В декабре 1920 года в своём дневнике Паустовский сделал такую запись:

«<...> Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому я – художник. Я остро чувствую краски и настроения дней, хотя близорук. И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краска на холст, и вся моя мысль – в этих тонах... золотеющих, насыщенных внутренней теплотой. <...> Я мыслю сердцем. Может быть, потому так быстро стораёт жизнь. <...> Я вряд ли создам что-нибудь дельное. Но я могу написать несколько прекрасных строк о свете лампадок и вечернем чае в тёплой, уютной столовой <...>».

А чуть дальше в дневнике есть такая запись:

«<...> Святки, Рождество и Пасха – самые душистые праздники в жизни <...>».

...За свою жизнь Константин Георгиевич неоднократно менял профессии, очарованный «музой дальних странствий», набирался впечатлений, которые потом оченьгодились на писательской стезе.

Когда Паустовский стал журналистом и писателем, география его поездок ещё больше расширилась – он объездил почти весь Советский Союз, позже, уже хорошо известный за рубежами Отечества, бывал во Франции и Италии, Англии и Болгарии...

«<...> Почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга <...>», – напишет писатель в своей автобиографии.

...В 1960-е для многих советских читателей, и верующих, и неверующих, кого привлекло своей гуманистической направленностью творчество писателя, Константин Георгиевич был не только мастером слова, но и – что так важно в писателе – эталоном порядочности.

Когда в 1963 году в Советском Союзе проводился опрос о самом читаемом в нашей стране писателе, таковым, к радости его почитателей, был назван Паустовский.

Незаметно из выдающегося русского писателя, жившего в советскую эпоху, Паустовский стал величиной европейской и мировой культуры.

Вот и сегодня его творчество привлекает внимание всё новых и новых поколений читателей.

* * *

«Москва златоглавая» – родной город будущего писателя. Здесь он родился 31 (18) мая 1892 года в семье отставного унтер-офицера II разряда, железнодорожного статистика Георгия Максимовича Паустовского.

У Константина ещё были старшие братья Вадим и Борис и сестра Галина. Оба брата писателя в один день погибли на фронтах Первой мировой войны.

В романе «Романтики» (1935) он посвятит Москве такие вдохновенные строки:

«<...> Ничем нельзя убить Москву. Уничтожить её сущность, её душу – нельзя.

<...> Сквозь пожары и революции, великие войны и колокольный звон, бунты и покаяния, сквозь море народных движений, приниженность и скуку – она пройдёт, как монолит, и сохранит свой облик – во сто крат более прекрасный. На перевале веков, культур он станет особенно чётко – этот облик Москвы, вечного города, которому будет молиться вся Россия, всё человечество <...>».

...Семья Паустовских имела украинско-польско-турецкие корни и проживала в Гранатном переулке Москвы.

«<...> Место рождения писателя в Гранатном переулке не сохранилось, – рассказывает московский экскурсовод Ирина Чичкина. – По схеме, нарисованной им, это был один из флигелей усадьбы Зубовых-Леонтьевых, выходивший окнами на Спиридоновку <...>».

Дедушка писателя по отцовской линии, Паустовский Максим Григорьевич, был казаком, служил в армии Николая I обыкновенным солдатом. В ходе русско-турецкой войны он попал в плен и привёз домой жену-турчанку. Бабушка писателя при рождении получила имя Фатма, но после принятия христианской веры её звали Гонората.

По линии отца Константин Георгиевич являлся прямым потомком гетмана Сагайдачного.

«<...> Крестили мальчика в церкви св. Георгия Победоносца на углу Малой Никитской и Георгиевского (ныне Вспольного переулка) 11 августа 1892 года, – рассказывает Ирина Чичкина. – В метрической записи были указаны родители – отставной унтер-офицер 2 разряда из вольноопределяющихся из мещан Киевской губернии, Васильковского уезда, Георгий Максимович Паустовский, и законная жена его Мария Григорьевна, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: числящийся из армейской пехоты поручик Иосиф Григорьевич Высочанский (дядя) и вдова надворного советника Терезия Ивановна Минят. Крестил священник Сергей Садковский. <...> В этом храме венчался П. И. Чайковский с А. Милюковой. Снесли церковь в 1932–33 годах и выстроили “Дом радиовещания и звукозаписи” (Малая Никитская, 24) <...>».

Бабушка писателя по материнской линии, Викентия Ивановна, жила в Черкассах. Она была из старого польского рода Высочанских, часто брала с собою маленького Костю, когда он гостил у неё, в католический храм, что вызывало негодование отца.

* * *

В 1898 году семья Паустовских перебралась из Москвы в Киев. Когда Косте было двенадцать лет, он стал учеником Первой киевской классической гимназии.

4 июня 1912 года состоялся 99-й выпуск окончивших Первую гимназию. Аттестат зрелости Паустовского гласил:

«Дан сей аттестат зрелости сыну мещанина Константину Георгиевичу Паустовскому, вероисповедания православного, родившемуся в городе Москве мая 18 дня (31 мая по новому стилю. – Н. Г.) 1892 года, в том, что он, вступив в императорскую Александровскую киевскую гимназию августа 20 дня 1904 года, при отличном поведении, обучался по 4 июня 1912 года и окончил полный восьмилетний курс».

Семья Константина Георгиевича переезжала часто. В детстве и юности он жил и в Киеве, и в других городах Малороссии и центральной России, возвращался в Москву и вновь жизненные обстоятельства звали его в дорогу.

«<...> В юношеские годы, – рассказывает Ирина Чичкина, – Паустовский познакомился с первопрестольной столицей заново и полюбил, несмотря на несходство с любимым родным Киевом. Гимназистом старших классов он приезжал в Москву, где жила мать с братом-студентом и сестрой Галей. В 1914-м он перевёлся из Киевского в Московский императорский университет. Но начало Первой мировой войны и мобилизация вынудили его оставить на время учебу и помогать матери. Он стал настоящим знатоком города, работая вожатым, а потом кондуктором Миусского парка конно-железных дорог <...>».

Об этом периоде его жизни, как и о многих других, ярко рассказывается в автобиографической «Повести о жизни», одном из главных произведений мастера.

«<...>Трамвайной своей службе, – вспоминал Паустовский, – я обязан тем, что хорошо изучил Москву, этот беспорядочный и многоликий город со всеми его Зацепами, Стромынками, трактирами, Ножевыми линиями, Божедомками, больницами, Ленинками, Анненгофскими рощами, Язунами, вдовыми домами, слободами и Крестовскими башнями. <...> И вот изо дня в день происходила одна и та же канитель: одной салопнице надо было к “Николе на курьих ножках”, другой – к Троице-Капелькам, третьей – к Георгию на Всполье. Нужно было терпеливо объяснять им, как проехать к этим церквям, после чего старухи вытаскивали из карманов в нижних юбках платки с завязанными по уголкам деньгами. В одном уголке были копейки, в другом – семишники, в третьем – пятикопеечные монеты <...>».

Первой супругой писателя была Екатерина Степановна Загорская. Она родилась в селе Подлесная Слобода близ Луховиц под Рязанью в семье Степана Александровича, священника церкви Введение во храм Божией Матери, и сельской учительницы Марии Яковлевны Загорских. Отец умер ещё до рождения дочери.

...Познакомились Константин и Екатерина во время Первой мировой войны, когда Паустовский служил санитаром, а Загорская – медсестрой.

В те суровые годы будущий писатель не только встретил свою любовь. Через многие испытания прошла и окрепла его вера.

Об этом читаем в эссе «Ночь в монастырской гостинице» бывшего ректора Одесской духовной семинарии, протоиерея, лауреата литературной премии имени К. Г. Паустовского Александра Кравченко (1930–2005):

«<...> Мартовской весной 1915 года Паустовский выехал с фронта за санитарными двуколками в Одессу, куда прибыл вместе с одним из санитаров поезда. Переночевав на Афонском подворье у вокзала, Паустовский ощутил непреодолимое желание провести хотя бы несколько дней у моря, тем более что двуколки не были готовы.

<...> Паустовский снял комнату в монастырской гостинице на Большом Фонтане.

<...> Занималось утро, раздался звук монастырского одинокого колокола, туман его не гасил. Звук повторился, растекаясь по округе. Начиналась повседневная монастырская жизнь: колокол звал к молитве.

Прошла ночь в монастырской гостинице. Идти в город было рано, заснуть так и не удалось, и Паустовский пошёл на призывный звук колокола. В полумраке церкви мерцали лампы, теплились одинокие свечи в подсвечниках. Размеренное чтение на клиросе прерывалось печальными великопостными песнопениями. Седой, иссохший старец-иеромонах на амвоне произнёс слова молитвы удивительно чистым юношеским голосом. Знакомые с юности слова по-новому вошли в сознание:

“Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми!”

Как всё просто, думалось Паустовскому, глубинная мудрость чувствуется в этом молитвенном вздохе человеческой души. Если праздность – мать всех пороков, то уныние ведёт к отчаянию, к без-

надёжности, к отсечению мечтаний. И просит, и утверждает себя человек в отходе от этого духа, как и от духа желания кичиться властью и употреблять её во зло. Не даждь ми, Господи, и ненужных слов, праздных разговоров, засоряющих жизнь.

“Какое благо мысль, – подумал Паустовский, – даже время остановилось”. А священник после земного поклона продолжал слова молитвы великого восточного подвижника IV века Ефрема Сирина: “Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему”. И пока он творил вновь земной поклон, продолжал Паустовский раскрывать для себя слова молитвы. Мудрость в сохранении себя от нечистоты душевной и физической, а величие познаётся в непоказном смирении. Терпение по отношению к окружающим людям украшает и помогает созиданию своего “я”, как и любовь, на которой держится этот мир.

И когда прозвучали последние слова молитвы: “Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждать брата моего”, – Паустовский понял и приблизился ко многим мечтаниям, ранее казавшимся ему бесплодными.

В задумчивости вышел он из церкви. Солнце разогнало туман, воздух был чист, напоён ароматом моря и близкой степи. Пешком Паустовский направился в город. На Большом Фонтане светились белым расцветшие сады.

В этот же день Константин Георгиевич вместе со своим спутником выехал из Одессы в Люблин к санитарному поезду. Всего одну бессонную ночь провёл Паустовский в гостинице монастыря.

С молитвой, которая ему открылась в монастырской церкви на Большом Фонтане, прошёл Паустовский всю жизнь, стараясь прикоснуться к тем идеалам, которые заложены в её строках. В минуты тяжкие она вспоминалась ему и поддерживала <...>».

* * *

К своему счастью Константин Паустовский и Екатерина Загорская шли долго. Были встречи и разлуки, многочисленные письма.

В апреле 1916 года, за несколько месяцев до их венчания, Константин написал Екатерине письмо, в котором есть такие строки:

«<...> Пасха и одиночество, ласковые звоны церквей, Христос радостный и близкий <...>».

...Подлесная Слобода – место очень дорогое для невесты. Поэтому летом 1916 года Константин и Екатерина обвенчались именно в этой маленькой церкви.

Об этом сохранилась запись в дневнике писателя:

«<...> Поля, перелески, синия дали – ея Родина. <...> Просто и радостно. Готовились к венчанию... В церковь. Торжественно... Спокойствие, ясность. Связаны наши жизни. Хорошо и ясно на душе <...>».

...Деревянные церкви в Подлесной Слободе, первая из которых стояла в селе с 1616 года, сменяли друг друга до 1863 года, когда началось строительство ныне существующего каменного храма.

Его главный престол – Введения во храм Божией Матери – был освящён в 1874 году, расположенные в трапезной части престолы мученицы Параскевы и святителя Николая – в 1878 году.

Храм, который в советское время был закрыт, стал восстанавливаться после возрождения в 1994 году.

...В 2002 году, в год 110-летия со дня рождения Паустовского, вместе с моей коллегой Надеждой Евгеньевной Бредис, большим почитателем творчества писателя, мне довелось побывать в Подлесной Слободе на литературном празднике.

В этот день на церкви Введение во храм Божией Матери была открыта мемориальная доска в честь венчания здесь Константина Паустовского и Екатерины Загорской, в память о них была отслужена панихида.

* * *

Судьба тесно связала писателя и с Крымом. Впервые он оказался на «райской крымской земле» в четырнадцать лет. Следуя любимому девизу «Жить нужно, странствуя», Константин Георгиевич в разные годы вновь и вновь приезжает в Крым.

Дом творчества писателей имени А. П. Чехова в Ялте – одно из любимых мест Паустовского в Крыму. В 1935–1936 годах, а затем после Великой Отечественной Константин Георгиевич здесь частый гость.

«<...> В 1951 году, – вспоминает внучка ялтинского священника, протоиерея Михаила Семенюка Анна Николаевна Гаранкина, – мне было тогда 5 лет, мы – дедушка, бабушка, мама и я – приехали в Крым по приглашению владыки Луки (Войно-Ясенецкого). Мы жили в маленькой комнатухе возле Александро-Невского собора в Ялте, настоятелем которого дедушка служил.

<...> Дедушка был дружен с Константином Георгиевичем Паустовским. И всегда, когда Константин Георгиевич приезжал в Ялту, он, остановившись в Литфонде, шёл к нам. Он очень много помогал священникам, вдовам интеллигентов: Нине Николаевне Грин, вдове Волошина Марии Степановне Заболоцкой.

Константин Георгиевич был человеком щедрой души и глубокой веры. У дедушки в тетрадке рукой Паустовского было записано, кого нужно поминать, – дорогие, родные ему имена. Он тайно приобретал нужное для храма, а нас, детей, одаривал конфетами, и мы всегда очень ждали его приезда. Конфеты для нас тогда были большой редкостью и радостью. Обычно с детворой мы могли только любоваться красивыми коробками в витринах знаменитого 1-го гастронома на набережной Ялты. Среди них была наша любимая, раскрытая, как книга, а в ней лежали завернутые в невероятной красоты блестящие бумажки конфеты. Однажды Константин Георгиевич пришёл без конфет и дал мне денег, чтобы я сама “купила сладенького”. Сумма казалась фантастической! Мы, дети, гурьбой побежали в 1-й гастроном и купили на всех ту драгоценную коробку самых дорогих конфет <...>».

* * *

Здесь, в Крыму, после Великой Отечественной Константин Георгиевич, писатель уже широко известный в нашей стране, работает над «Повестью о жизни».

Выразительные названия шести частей «Повести о жизни» Паустовского – «Далёкие годы» (1946), «Беспокойная юность» (1954), «Начало неведомого века» (1956), «Время больших ожиданий» (1958), «Бросок на юг» (1959–1960), «Книга скитаний» (1963) – помогают нам, читателям, представить, как складывалась жизнь Константина Георгиевича, его писательская судьба на тернистых дорогах-этапах отечественной истории.

«<...> Без чувства своей страны – особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи – нет настоящего человеческого характера. В те годы, во время моей службы на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки <...>» («Беспокойная юность»).

В «Беспокойной юности» Паустовский определил цель и смысл своей деятельности кратко и точно – найти отзыв в душе читателя:

«<...> В каждом сердце есть струна. Она обязательно отзовется даже на слабый призыв прекрасного <...>».

Все его книги, как камертон, настроены на эту «струну».

...Из Крыма, как известно, после трагического противостояния в годы Гражданской войны, ярко описанной в «Повести», некоторые наши соотечественники отправятся в эмиграцию.

Паустовский искренне объясняет, почему остался в стране, раздираемой Гражданской войной:

«<...> Это – дело совести. Я считаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ <...>».

И эти слова писателя актуальны сегодня, когда ряд либеральных политиков, бизнесменов, журналистов, представителей шоу-бизнеса, артистов, осудив СВО на Украине, покинули Россию.

* * *

Особое место в жизни и творчестве Константина Георгиевича наряду с Мещёрой («второй родиной» – так назвал этот край Паустовский!) и Крымом занимала и Таруса.

Писатель пользовался уважением и любовью местных жителей, стал первым почётным гражданином Тарусы. Он словно принял на себя негласное нравственное обязательство – заботиться об этом уголке русской земли.

Паустовский отдал много сил бытовому благоустройству калужской глубинки, сохранению исторического лица города.

С этим тихим, маленьким приокским городком средней полосы России связаны его поэтические эссе и новеллы: «Уснувший мальчик», «Городок на реке», «Избушка в лесу», «Наедине с осенью», «Ильинский омут»...

Константин Георгиевич обосновался здесь в середине прошлого века, в 1954-м, провёл 13 своих последних лет, творчески плодотворных, счастливых.

Паустовский, женившийся в 1950 году в третий раз на актрисе Татьяне Арбузовой (в этом браке родился сын Алексей, герой многих его рассказов), приезжал сюда из суетной Москвы, жил с семьёй всё лето и работал порой до поздней осени, «до белых мух». Как гимн звучат слова писателя:

«<...> Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску<...>».

В 1955-м было приобретено полдомика в небольшом тупичке (улица Пролетарская, дом 2) над крутым скатом к речке Таруске, потом к нему были сделаны пристройки.

Уже через несколько лет на пустыре рядом с домиком радовал глаз настоящий сад. Здесь теперь открыт музей писателя.

От дома Паустовского хорошо видна белая церковь в Бёхове на другом берегу Оки – рядом с нею похоронен великий русский художник Василий Дмитриевич Поленов.

Отсюда, из «тарусской обители» писателя, можно отправиться вдоль берега Таруски к Ильинскому омуту, существовавшему на земле, вероятно, с незапамятных времён – новелла Паустовского сделала это место знаменитым на весь мир:

«<...> Одно из неизвестных, но действительно великих мест в нашей природе находится всего в десяти километрах от бревенчатого дома, где я живу каждое лето. Я думаю, что слово “великий” применимо не только к событиям и людям, но и к некоторым местностям нашей страны, России... То место, о котором пойдёт рассказ, называется скромно, как и многие великолепные места в России: Ильинский омут... Оно не связано ни с какими историческими событиями или знаменитыми людьми, а просто выражает сущность русской природы. В этом отношении оно, как принято говорить, “типично” и даже “классично”.

Такие места действуют на сердце с неотразимой силой. Если бы не опасение, что меня изругают за слащавость, я сказал бы об этих местах, что они благостны, успокоительны и что в них есть нечто священное <...>».

Концовка этой новеллы стала хрестоматийной:

«<...> Нет, человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца! <...>».

* * *

Настоятельной потребностью собрать воедино, как «крупинки золотой пыли», мысли о творчестве и поделиться этим неисчерпаемым богатством с читателями была рождена «Золотая роза» – одна из самых его знаменитых книг, которой зачитывались и многие советские интеллектуалы разного возраста и профессий, и школьники моего поколения, раздумывающие о выборе жизненного пути,.

Ярко проявляется здесь гражданская позиция автора, который по-своему интерпретирует евангельскую притчу о зарытом таланте:

«<...> Голос совести, вера в будущее не позволяют подлинному писателю жить на земле, как пустоцвет, и не передать с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого <...>».

* * *

Константин Георгиевич скончался в Москве 14 июля 1968 года. Он завещал похоронить его на городском кладбище в любимой Тарусе.

«<...> Татьяна Алексеевна, – вспоминал сын писателя от первого брака Вадим Константинович, – вопреки своему желанию не стала отпевать его в церкви открыто, ограничившись заочным отпеванием.

Была выбрана церковь Илии Пророка Обыденного у Пречистенских ворот. Причём, по-видимому, неспроста. Ведь в двух шагах от неё во 2-м Обыденском переулке Паустовский впервые обосновался в Москве в середине 1920-х годов.

<...> Отцу, конечно, было известно, почему переулок назывался Обыденским, однако знакомым, особенно приезжим, он раскрывал это не сразу.

<...> Дело в том, что в старину на Руси было принято порой возводить деревянные церкви необычным образом – всего за один день. Это делалось “по обещанию” в случае эпидемии или других чрезвычайных обстоятельств. Начинали стройку ранним утром с тем, чтобы к заходу солнца установить кресты на куполах или шатрах. Такие церкви называли обыденными, то есть построенными в течение дня.

Храм Илии Пророка, давший наименование окрестным переулкам, именно так и был возведён по случаю засухи, причём в 1592 году, ровно год в год за 300 лет до рождения Паустовского.

В начале следующего века он был, как принято, заменён каменным. Затем – получил приделы и пристройки.

Всего через несколько лет после отпевания отца, в этом же храме отпевали безвременно умершего Алёшу Паустовского, а ещё через два года – Татьяну Алексеевну, его мать.

Похоронены они в Тарусе, недалеко от отцовской могилы. Над могилами Татьяны Алексеевны и Алёши установлен общий крест, в головах могилы отца лежит большой камень – гранит.

Сама Татьяна Алексеевна не раз говорила о своём заветном желании – чтобы на могиле Паустовского был установлен большой крест. Она как бы завещала это желание всем остающимся и при этом добавляла: “Как только это станет возможным”... Ныне такое время настало <...>».

Место на городском кладбище в Тарусе, где находится скромная могила Паустовского, было выбрано самим писателем.

Отсюда, с высокого холма, окружённого деревьями с просветом на реку Таруску, он словно смотрит в вечность.

Каждый год в день рождения Паустовского и в день его кончины на его могиле в Тарусе появляется корзина с еловыми шишками.

Одна из лучших лирических новелл писателя о встрече в лесу знаменитого композитора Эдварда Грига с девочкой Дагни, дочерью лесника, так и называется «Корзина с еловыми шишками».

Эта новелла, как и всё творчество писателя, наполнена христианскими мотивами, музыкой и красотой, чистотой и радостью и открывает перед нами «то прекрасное, чем должен жить человек».

Как тут не вспомнить его письмо-завещание, которое заканчивается большой душевной болью за будущее России:

«<...> мы жили на этой земле. Не давайте её в руки опустошителей, пошляков и невежд. Мы – потомки Пушкина, и с нас за это спросится <...>».

«<...> Любимые всегда кажутся нам бессмертными», – утверждал Константин Георгиевич. К нему с полным правом можно отнести его слова о Чехове:

«<...> Он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком. Он знал, где лежит дорога к человеческому благородству, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой дороги <...>».